

УДК: 341

DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_2_243

Решетнева Т.В., Орлов А.С.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФРАГМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА:
ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ, ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Reshetneva T.V., Orlov A.S.

**SOME ISSUES OF FRAGMENTATION OF INTERNATIONAL LAW: CAUSES,
CONSEQUENCES, WAYS OF OVERCOMING**

Ключевые слова: фрагментация и дефрагментация международного права, объективные и субъективные причины, последствия фрагментации международного права.

Keywords: fragmentation and defragmentation of international law, objective and subjective reasons, consequences of fragmentation of international law.

Аннотация: актуальность рассматриваемых в предлагаемой статье проблем обусловлена тем, что вопросы, связанные с фрагментацией международного права, относятся к числу трудно разрешаемых вопросов современной юридической науки и практики, от решения которых зависит эффективность международно-правового регулирования. В связи с чем, актуализируется другая проблема – по устранению, прежде всего, негативных последствий фрагментации международного права. Целью статьи является теоретическое осмысление и анализ сущностного представления о фрагментации международного права, вызванных этим процессом причин и вызываемых им последствий. Основную методологическую основу составили метод анализа, сравнительно-правовой метод, благодаря которым уточнены дефиниции понятий «фрагментация международного права», «дефрагментация международного права», исследованы причины (объективного и субъективного характера), последствия (позитивные и негативные) фрагментации международного права. В статье приводятся некоторые примеры, иллюстрирующие фрагментацию международного права и связанные с ней риски, такие как: проблема совместимости международных договоров, риск интерпретации, конфликт решений международных судебных и иных органов. Результаты исследования могут применяться в теоретических исследованиях, посвященных анализу содержания и сущности фрагментации и дефрагментации международного права, а также в исследовании вопроса по созданию эффективных «защитных» механизмов от негативных последствий фрагментации международного права, представленных, прежде всего, международными механизмами.

Abstract: The relevance of the problems considered in the proposed article is due to the fact that issues related to the fragmentation of international law are among the difficult issues of modern legal science and practice, on the solution of which the effectiveness of international legal regulation depends. In this connection, another problem is being actualized – to eliminate, first of all, the negative consequences of the fragmentation of international law. The purpose of the article is a theoretical understanding and analysis of the essential concept of the fragmentation of international law, the causes caused by this process and the consequences caused by it. The main methodological basis was the method of analysis, the comparative legal method, which clarified the definitions of the concepts of "fragmentation of international law", "defragmentation of international law", investigated the causes (objective and subjective), the consequences (positive and negative) of the fragmentation of international law. The article provides some examples illustrating the fragmentation of international law and the risks associated with it, such as: the problem of compatibility of international treaties, the risk of interpretation, the conflict of decisions of international judicial and other bodies. The results of the research can be applied in theoretical studies devoted to the

analysis of the content and essence of fragmentation and defragmentation of international law, as well as in the study of the issue of creating effective "protective" mechanisms against the negative consequences of fragmentation of international law, represented primarily by international mechanisms.

Современный международный правопорядок отличает еще большее расширение направлений международного сотрудничества, углубление, усложнение интеграционных процессов, сопровождаемое увеличением числа заключаемых международных договоров и созданием наднациональных механизмов. В связи с чем обостряется проблема, связанная с фрагментацией международного права. С 2000 года указанная проблема включена в долгосрочную программу работы Комиссии международного права. В науке международного права нет «острых» дискуссий относительно дефиниции понятия «фрагментация международного права», обобщая имеющиеся подходы, можно сказать, что под фрагментацией международного права понимают неоднородность системы международного права, связанную с процессом дробления, разделения международного права на универсальную, региональную, локальную системы, «подсистемы, подподсистемы с различными уровнями правовой интеграции»¹ и институциональными механизмами обеспечения.

Фрагментация международного права – это, прежде всего, объективный и в историческом плане не новый процесс, происходящий в международной жизни, обусловленный совокупностью как объективных, так и субъективных факторов (причин).

В качестве основной причины объективного характера, которая вызывает фрагментацию международного права, необходимо назвать увеличение числа международных договорных норм, предназначенных для регулирования одноименных международных отношений. При этом право международных договоров содержит множество принципов, «подталкивающих» к появлению фрагментации. Венская конвенция 1969 года о праве международных договоров и Венская конвенция 1986 года о праве

договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (далее – Венские конвенции 1969 и 1986 гг.) заложили возможности повышения риска фрагментации международного права. Этому способствует допускаемое указанными конвенциями существование соглашений *inter se*, призванных изменить международные многосторонние договоры только в отношении некоторых их участников², без предоставления возможности другим участникам договора вступить в такое соглашение. Итогом подобных соглашений является появление отличающихся друг от друга правовых режимов в отношении разных участников в рамках одного международного договора. Иллюстрацией сказанному может служить сотрудничество в отношении Шенгенской и валютной систем Европейского Союза³, в рамках которого фрагментация «выражается в дифференцированном подходе к правовому регулированию, предусматривающем ситуацию, когда одна и та же группа государств — членов Европейского Союза проводит специфическую политику по целому ряду областей сотрудничества. Фактически к аналогичным последствиям приводит использование практики заявления оговорок»⁴ к международным договорам, регламентируемой Венскими конвенциями 1969 и 1986 гг.

Другой причиной фрагментации международного права является регулирование одного и того же вопроса со стороны нескольких международных договоров, за

¹См.: Хафнер Г. Риск фрагментации международного права. Организация Объединенных Наций // ГА ООН, №10(A/55/10). Генеральная Ассамблея ООН – Док. No.10(A/59/10) от 15 января 2000 г.

² См.: ст. 41 общую для Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров и Венской конвенции 1986 года о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями.

³ Ст. 20 Договора о Европейском Союзе (Подписан в г. Маастрихте 07.02.1992).

⁴ Орлов А.С. Риски фрагментации в современном международном праве // Риски в праве: пути решения: монография /под ред. докт. юрид. наук проф. Л.Г. Татьяниной. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 39.

ключенных между одними и теми же государствами. Например, по морскому праву действуют пять международных договоров универсального характера: четыре Женевские конвенции 1958 года и Конвенция ООН по морскому праву 1982 года. В результате чего неизбежно возникает проблема выбора международно-правовых норм, разрешаемая по правилам (принципам) совместимости последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, общая модель которых была заложена в статье 30 общей для Венских конвенций 1969 и 1986 гг. Применительно к универсальным конвенциям в области морского права часть 1 ст. 311 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года закрепила приоритет предписаний Конвенции 1982 года в отношении между государствами-участниками перед Женевскими конвенциями по морскому праву от 29 апреля 1958 года. Кроме того, эта же статья определила отношение к другим конвенциям и международным соглашениям в области морского права, закрепив при этом в части 6 ст. 311 обязательство государств-участников Конвенции 1982 года о недопустимости никаких поправок, а также недопустимости участия в каких-либо соглашениях, «относящихся к основному принципу общего наследия человечества, изложенному в статье 13б» указанной Конвенции.

Названный способ устранения проблемы выбора не является единственным, международная практика выработала принцип *lex specialis derogat legi generali*, содержание которого сводится к тому, что «когда две или более норм касаются одного и того же предмета, приоритет уделяется норме, которая является более конкретной»¹. Тем не менее названные принципы не ликвидируют саму причину выбора норм международного права и не способствуют устранению фрагментации международного права.

Одновременное (параллельное) регулирование международных отношений нормами международных договоров и международных обычаев также ведет к фрагментации международного права, что и

подтверждается практикой Международного Суда ООН в деле *Nicaragua v. United States of America*. В частности, Международный Суд ООН определил, что обычное международное право существует и действует независимо от права международных договоров, даже в случае их идентичного содержания².

Следующая причина объективного характера, которая может вызывать фрагментацию международного права, связана с тем, что международные договоры, как акты согласования воли нескольких или многих государств с различными интересами, принадлежностью к разным правовым системам в ряде случаев содержат расплывчатые, нечеткие, неопределенные правовые предписания, закладываемые государствами, «когда в сжатые сроки необходимо согласовать текст договора»³, который «становится сознательно двусмысленным, чтобы примирить мнения всех сторон»⁴. Необходимо учитывать также то обстоятельство, что международные договоры разрабатываются, принимаются в одних историко-политических условиях, а реализуются – в других, что нередко может привести к отставанию норм международных договоров от динамично развивающихся международных отношений. При этом возможны несовпадения в формулировках предписаний международного договора, составленного на двух и более языках. Отмеченные моменты способны вызвать трудности в толковании и реализации положений международных договоров его участниками, что наглядно иллюстрирует Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности от 08 де-

²Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America) Judgment, I.C.J. Reports 1986, para. 179. P. 95.

³ Исполинов А.С. Эволюция и пути развития современного международного правосудия // *Lex russica*, 2017. №10. Режим доступа СПС КонсультантПлюс.

⁴ Исполинов А.С. Указ. соч.; см. также Решетнева Т.В. Некоторые вопросы риска фрагментации толкования международного права // *Риски в праве: пути решения: монография / под ред. докт. юрид. наук проф. Л.Г. Татьяниной*. М.: Юрлитинформ, 2020. С.44.

¹Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят четвертой сессии A/57/10. С. 216.

кабря 1987 года (ДРСМД)¹. Данный договор являлся бессрочным², однако стороны «в порядке осуществления своего государственного суверенитета» имели право выйти из ДРСМД³, уведомив о денонсации договора за шесть месяцев⁴. США в 2014 году обвинили Россию в нарушении договора и разработке ракеты (ракета «Новатор 9М729» по классификации НАТО SSC-8), радиус действия которой по мнению США не совместим со взятыми на себя международными обязательствами. Россия не согласилась с предъявленной претензией и заявила о том, что ракета полностью отвечает требованиям ДРСМД, заявив при этом США встречные претензии. Российский министр иностранных дел Сергей Лавров⁵, сделал заявление о том, что США «достаточно вольно трактуют существо договорных обязательств там, где это препятствует созданию важных для них вооружений»⁶. Речь шла об использовании США ракет-мишеней (Hera, LRALT и MRT), под видом пусков которых отрабатывались технологии по производству и применению ракет запрещенной дальности. В виду важности действия ДРСМД в вопросах обеспечения международной безопасности Россия 21 декабря 2018 года внесла в ООН подготовленный в соавторстве с десятью государствами проект Резолюции A/73/L.70 о сохранении в силе и соблюдении ДРСМД. Генеральная Ассамблея ООН не поддержала проект

---

¹ Договор вступил в силу 01.07.1988, он требовал от обеих сторон ликвидации их баллистических и крылатых ракет наземного базирования, способных преодолевать расстояние от 500 до 5500 км. к сроку выполнения Договора – 01.07.1991. Данный Договор способствовал окончанию «холодной войны» и являлся одной из опор архитектуры европейской безопасности.

² Пункт 1 ст. XV Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности (от 08.12.1987 года).

³ Пункт 2 ст. XV Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности (от 08.12.1987 года).

⁴ Там же.

⁵ По заверениям российской стороны 18 сентября 2017 года на полигоне Капустин Яр был произведен учебно-боевой пуск ракеты 9М729 на максимальную дальность — она пролетела менее 480 км, что не составляет нарушения международных обязательств по ДРСМД.

⁶ ТАСС. URL:<https://tass.ru/info/6724550>

(«за» проголосовало 43 государства-члена ООН, «против» - 46, «воздержались» - 78)⁷. В дальнейшем в различном формате (межведомственном, на уровне замминистра иностранных дел России и заместителя государственного секретаря США) осуществлялся переговорный процесс, который был безрезультатным. В 2019 году США объявили о приостановлении выполнения своих обязательств по ДРСМД со 02 февраля 2019 года, а со 02 августа 2019 года перестанут быть его участником, при условии, если России не предпримет действия по возвращению к выполнению положений ДРСМД⁸. 02 февраля 2019 года о приостановке участия в договоре объявила Россия⁹, 04 марта 2019 года Президентом России был подписан Указ о приостановлении Россией выполнения Договора, а 03 июля 2019 года Президент Российской Федерации подписал закон о приостановлении Россией действия ДРСМД¹⁰. Как видим, несовпадение позиций России и США по вопросу толкования и применения положений ДРСМД, привели к прекращению его действия, что создает угрозу европейской безопасности и риск развития гонки вооружений.

Принципы толкования международных договоров получили свое закрепление в п. 1 ст. 31, являющимся общим для Венских конвенций 1969 и 1986 гг., в котором установлено, что: «Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора». Пункт 3 ст. 31 общий для указанных Венских конвенций допускает, что «наряду с контекстом учитываются: а) любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений; б) последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования; с) любые соответствующие нормы международного права, применяе-

---

⁷ Там же.

⁸ Соответствующая нота США была передана в посольство России 02.02.2019.

⁹ Соответствующая нота МИД РФ была передана в посольство США 04.02.2019.

¹⁰ ТАСС. URL:<https://tass.ru/info/6724550>

мые в отношениях между участниками». Кроме того, в целях подтверждения значения, вытекающего из приведенной выше ст. 31, статья 32 общая для Венских конвенций 1969 и 1986 гг. разрешает государствам-участникам обращаться к дополнительным средствам толкования, в случаях, когда толкование «а) оставляет значение двусмысленным или неясным или б) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными». Поскольку не всегда удается осуществить единообразное толкование норм международного договора силами его участников (что наглядно проиллюстрировал пример с ДРМСД), государства в согласованном порядке предусматривают международные институциональные механизмы (в виде международных судебных или контрольных органов), которые уполномочивают осуществлять официальное международное толкование международных договорных норм. Яркой наглядной иллюстрацией служит интерпретационная и правоприменительная практика Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), по обеспечению надлежащего исполнения государствами-участниками своих обязательств по Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) и Протоколов к ней (далее – ЕКПЧ)¹.

В юридической литературе по международному праву неоднократно подчеркивается значимость деятельности ЕСПЧ по прогрессивному развитию европейского права. Так, А.И. Ковлер отмечает, что в связи существенными изменениями жизни современного общества значимой выступает деятельность ЕСПЧ, поскольку «пытаться применять или толковать положения Конвенции, исходя из намерений государств на момент ее принятия или жестко следуя тексту, принятому... в 1950г., было бы как минимум контрпродуктивно. При этом процесс внесения поправок в Европейскую конвенцию затруднителен и требует ратификации всеми 47 государствами-членами Совета Европы»². По мнению А.С. Исполи-

нова³, «Европейскую конвенцию от устаревания спас именно Европейский Суд по правам человека», который использует доктрину толкования Конвенции «как живого инструмента», что «позволило сохранить за Конвенцией статус одного из наиболее эффективных соглашений в сфере защиты прав человека» и минимизировать риски недостижения целей международно-правового регулирования». Несмотря на отмеченные выше позитивные моменты, связанные с деятельностью ЕСПЧ, все чаще в среде юристов-практиков, ученых встречаются и негативные позиции. ЕСПЧ обвиняют в политике двойных стандартов, в превышении предоставленных суду полномочий, в толковании ЕКПЧ и Протоколов к ней, склонном к крайностям (*interpretation excessive*)⁴, «когда у Суда есть несколько вариантов толкования в рамках его же прецедентной практики, но он выходит за эти рамки - и тогда его выбор имеет юридическую силу, разрушая значение предыдущих прецедентов..., налагает, по мнению государств-ответчиков, новые обязательства на участников Конвенции, не предусмотренные ее положениями, либо раздвигает рамки применения положений Конвенции»⁵. В этом случае имеет место практика устранения международными судебными органами неясностей положений международных договоров, адаптации норм международных договоров под современные историко-политические условия и социальные заказы, результатом чего может быть «выход суда за отведенные ему рамки в виде ошибочных, непредсказуемых или крайне спорных решений»⁶. Описанная ситуация может привести и приводит на практике к тому, что позиция международного судебного органа может существенно отличаться от позиции государств, согласованной ими при

Норма, 2019 // Режим доступа СПС Консультант Плюс.

³ Исполинов А.С. Указ. соч.

⁴ Delzangles B. *Activisme et autolimitation de la Cour européenne des droits de l'homme*. 2009. P. 33; Цит. по Ковлер А.И. *Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека* – М.: Норма, 2019 // Режим доступа СПС Консультант Плюс.

⁵ Ковлер А.И. Указ. соч.

⁶ Исполинов А.С. Указ. соч.

---

¹ Часть 1 ст. 32 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.).

² Ковлер А.И. *Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека* – М.:

заключении международного договора и, как следствие идти «...вразрез с волей государств – основным источником международной легитимности»¹. Поэтому возникает дробление (фрагментация) в понимании и реализации норм международного права государствами и международными судебными органами, что приводит к тому, что государства выступают против исполнения решений международных судебных органов в своей национальной системе, создавая внутригосударственный «защитный» механизм. Кроме того, международные судебные учреждения «могут вести себя недостаточно толерантно по отношению к высшим национальным»² судебным органам, когда один и тот же вопрос являлся предметом их рассмотрения. Как отражение описанной ситуации возникает, с одной стороны, фрагментация в согласованных государствами положениях международного договора и правовых позициях международных судебных органов, «подправляющих, корректирующих» за государства положения международных договоров, а, с другой стороны, - в конфликте³ между международными судебными органами и конституционными судами государств, оберегающих государственный суверенитет и конституционный правовой порядок⁴. Кроме того, фрагментация международного права может породить риск фрагментации толкования единых норм международного права, когда несколькими международными судами дается различное толкование этих норм⁵. Наглядно данную проблему демонстрирует часто иллюстрируемый в юридической литературе спор Ирландии и Великобритании, касающийся радиоактивных выбросов британско-

---

¹ Исполинов А.С. Указ. соч.

² Нешатаева Т.Н. Европейская конвенция по правам человека и интеграция интеграций: пути преодоления фрагментации международного права // Международное правосудие. 2015. №4; Режим доступа СПС Консультант Плюс.

³ Примером конфликта позиций высших национальных судов и международных судебных органов являются принятые Европейским Судом по правам человека постановления по жалобам: «Гёргюлю против ФРГ», «К. Маркин против Российской Федерации», «Анчугов и Гладков против России» и некоторые другие.

⁴ Ковлер А.И. Указ. соч.

⁵ Нешатаева Т.Н. Указ. соч.

го завода «МОХ» на английском побережье Ирландского моря («MOX Plantcase»)⁶. «Проблема оказалась предметом регулирования в рамках трех международных договоров: 1) универсального – Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву; 2) регионально-го – Конвенции 1992 г. по защите морской природной (окружающей) среды Северо-Восточной Атлантики; 3) регионального – права ЕС и Европейского сообщества по атомной энергии в сфере окружающей среды»⁷. Государства использовали для разрешения возникшего спора несколько институциональных механизмов. При этом Ирландия задействовала одновременно два механизма региональный и универсальный: 1) «арбитраж ad hoc (по Конвенции 1992 года); 2) трибунал, в рамках Конвенции 1982 г. По соглашению сторон были созданы трибуналы по обеим Конвенциям»⁸. В интересах Великобритании Европейская комиссия, ссылаясь на нарушение Ирландией правопорядка Европейского Союза, обратилась в Суд Европейского Союза, установивший, «...что только он имеет исключительную юрисдикцию по вопросам применения и толкования права ЕС, включая те нормы международного права, которые стали частью правопорядка ЕС (как например, Конвенция ООН 1982 г. по морскому праву)»⁹. Другим примером интерпретационного конфликта является конфликт позиций Международного Суда ООН (в решении по делу *Nicaragua v. USA*, 1986 г.) и Апелляционной палаты Трибунала по бывшей Югославии (в решении по делу *Tadic*, 1999 г.) «по вопросу о присвоении ответственности за действия антиправительственных вооруженных групп поддерживающему их государству. Трибунал не согласился с мнением Международного Суда ООН, указав, что оно не является убедительным и не отвечает логике права международной ответственности. Международный Суд ООН ответил на это в 2007 г. в своем решении по делу «Gen-

---

⁶ Исполинов А.С. Указ. соч.

⁷ Нешатаева Т.Н. Указ. соч.

⁸ Один из трибуналов не усмотрел в действиях Великобритании нарушений норм международного права, другой прекратил разбирательство после того, как Ирландия отозвала свой иск, имея на руках решение Суда Европейского Союза.

⁹ Исполинов А.С. Указ. соч.

ocide Convention (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)», указав, что он не только не согласен с выводами Трибунала, но считает, что Трибунал занялся не своим делом, решая вопрос об ответственности государств в случае, когда он не был на то уполномочен и когда это явно не было необходимо для установления вины конкретного лица»¹. Представленные примеры демонстрируют конфликт (конкуренцию) в осуществлении юрисдикции различными международными судами в случае наличия аналогичных материальных норм, содержащихся в разных международных договорах, так называемую «судебную» фрагментацию»² и как следствие фрагментацию решений международных судебных органов и содержащихся в них результатах официального толкования норм международного права. Кроме того, фиксация в международном договоре нескольких институциональных международных средств, к которым можно обратиться в случае разногласий между государствами-участниками, также может спровоцировать конфликтную ситуацию. Так, 16 января 2017 года Украина обратилась в Международный Суд ООН с иском (меморандумом) против России, обвинив Россию в нарушении Конвенции о борьбе с финансированием терроризма (1999) и Конвенции о ликвидации расовой дискриминации (1965). Российская Федерация заявила, что иск Украины не подпадает под юрисдикцию Международного Суда ООН, в силу того, что Украина не выполнила в полной мере обязательные процессуальные условия, предусмотренные в ст. 22 Конвенции о ликвидации расовой дискриминации (1965), которые должны быть соблюдены до обращения в Международный Суд ООН. В частности - это переговоры или процедуры, специально предусмотренные в Конвенции 1965 г., что, по мнению российской стороны, может нанести ущерб Конвенции ООН о ликвидации расовой дискриминации. Тем не менее, Международный Суд ООН признал свою юрисдикцию по этому делу и своим Постановлением от 08 ноября 2019 года определил 8 декабря 2020 года как срок для подачи контрмемо-

рандума Российской Федерации по делу, касающемуся применения Конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации³. В связи с пандемией коронавируса Международный Суд ООН, своим Постановлением от 13 июля 2020 года продлил с 08 декабря 2020 года до 08 апреля 2021 года крайний срок подачи Российской Федерацией контрмеморандума⁴.

К субъективным причинам фрагментации международного права можно отнести полную или частичную противоположность интересов государств, политическую и экономическую конфронтацию между ними, приводящие к тому, что государства имеют возможность выбора присоединения или неприсоединения к тем или иным нормам международного права, имеют свободу выбора в вопросах прекращения, приостановления действия международного договора.

Фрагментация международного права имеет как отрицательные, так и положительные последствия. Так, существование норм международного договорного и обычного права универсального, регионального и локального характера, регулирующих одни и те же международные отношения позволяют сравнить эффективность правового регулирования, что исключается по итогам унификации международного права. Кроме того, различия в международно-правовом регулировании позволяют учитывать национальную или региональную специфику отношений. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) в ст. 6, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) в ст. 2, Конвенция ООН о правах ребенка (1989 г.) в ст.6 закрепляют право на жизнь, не решая при этом вопрос о моменте начала жизни человека, оставляя данный вопрос на усмотрение государств. В отличие от названных договоров Американская конвенция от 22 ноября 1969 года о правах человека, закрепила в п. 1 ст. 4, что «каждый человек имеет право на уважение его

¹ Исполинов А.С. Указ. соч.

² Нешатаева Т.Н. Указ. соч.

³ РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20191119/1561131979.html>

⁴ ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9010485>

жизни. Это право защищается законом и, как правило, с момента зачатия»¹. Подобного рода регулирование развивает, своего рода, конструктивную конкуренцию правопорядков, служит прогрессивному развитию международного права. Но одновременно эта ситуация порождает конкуренцию, коллизию международно-правовых норм, требующую своего разрешения.

Все вышеописанные ситуации, касающиеся фрагментации международного права, могут привести к расхождению в понимании норм международного права государствами, его органами, затруднить (или вообще исключить) исполнение государствами решений международных судебных и иных органов, отрицательно сказаться на эффективности международно-правового регулирования. Отставание норм международного права от регулируемых ими международных отношений может быть компенсировано за счет международной судебной практики, что является, безусловно, положительным моментом, но, с другой стороны, возможны конфликты при одновременном использовании международных институциональных механизмов, связанные с конкуренцией соответствующих международных инструментов и принимаемых ими решений и, как следствие – затруднен процесс их реализации государствами-адресатами соответствующих решений международных институциональных механизмов.

Таким образом, высокая степень абстрактности (неопределенности) норм международного права, многообразие конкретных жизненных обстоятельств, которые испытывают на себе международно-правовое воздействие, отставание международного права от развития международных отношений, специфика языка норм международного права, высокая степень вероятности коллизий между универсальными, региональными и локальными нормами международного права, конфликт юрисдикций и правовых позиций международных судебных органов ставят перед государствами новую задачу – дефрагментацию международного

права. Дефрагментация международного права – это процесс обратный фрагментации международного права, под которым понимают устранение неоднородности системы международного права, связанной с различными уровнями международно-правовой интеграции, существованием различных институциональных международных механизмов обеспечения норм международного права.

Дефрагментация международного права возможна только на международном уровне, через усилия, предпринимаемые субъектами международного права и, прежде всего, государствами. В том случае, если основной причиной фрагментации международного права является увеличение числа международных договоров, регулирующих один и тот же вопрос, заключенных «в различных исторических, функциональных и региональных условиях» фрагментация международного права может быть решена за счет сближения позиций государств через инструменты унификации и гармонизации правовых предписаний. Для исключения риска фрагментации решений международных судебных органов, исключения риска фрагментации толкования единых норм международного права в юридической литературе предлагается создать механизм «интеграции интеграций»², который заключается в «совершенствовании правовых норм, взаимном уважении судов и готовности к сотрудничеству»³, взаимообогащении судов «через цитирование решений других судов и заимствование их правовых позиций»⁴, через цитирование позиций различных международных контрольных органов. Наглядным примером механизма «интеграции интеграций» и гармонизации правовых предписаний является обширная практика Европейского Суда по правам человека, который в своих постановлениях в разделе, посвященном применимым международным и сравнительным материалам, обращается к международным документам, принятым в рамках других международных организаций и решениям международных судебных и

¹ Международные акты о правах человека. Сборник документов. - М.: «НОРМА-ИНФРА», 1999. С. 721.

² Нешатаева Т.Н. Указ. соч.

³ Нешатаева Т.Н. Указ. соч.

⁴ Исполинов А.С. Указ. соч.

контрольных органов. Так, например, в сво-
Константин Маркин (Konstantin Markin)
против Российской Федерации» Европей-
ский Суд по правам человека ссылаясь на
универсальные международные договоры (в
частности на Конвенцию ООН о ликвида-
ции всех форм дискриминации в отношении
женщин (1979 г.), Конвенцию МОТ № 111 о
дискриминации в области труда и занятости
(1958 г.), Конвенцию МОТ № 156 о равном
обращении и равных возможностях для
трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся
с семейными обязанностями (1981 г.))¹, на
региональные международные документы,
принятые в Европейском Союзе (Директива
Совета № 96/34/ЕС от 3 июня 1996 г. о ра-
мочном соглашении относительно отпуска
по уходу за ребенком, Директива Совета
2010/18/EU от 8 марта 2010 г. о применении
пересмотренного Рамочного соглашения об
отпуске по уходу за ребенком)², а также ис-
пользовал заключительные замечания Ко-
митета ООН по ликвидации дискриминации

¹ См.: п.п. 49-53 Постановления ЕСПЧ от 22.03.2012 по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба N 30078/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2012, № 6.

² См.: п.п. 63, 64 Постановления ЕСПЧ от 22.03.2012 по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба N 30078/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2012, № 6.

ем Постановлении от 22.03.2012 «Дело
в отношении женщин, принятые 30 июля
2010 г., по поводу периодических докладов,
представленных Российской Федерацией³ и
на прецеденты Суда Европейского Союза
(дело «Жозеф Грисмар против Министер-
ства экономики, финансов и промышленно-
сти, Министерства публичных функций,
государственной реформы и демократиза-
ции», дело «Рока Альварес против "Сеса
Старт Эспанья ЕТТ"»)⁴. В качестве крайнего
варианта решения проблемы в юридической
литературе предлагается сужение юрисдик-
ции соответствующих международных су-
дебных органов, либо прекращение их дея-
тельности.

В заключении отметим, что процесс
фрагментации международного права будет
усиливаться, а, следовательно, будут пред-
приниматься попытки по минимизации,
прежде всего, негативных последствий
фрагментации международного права.

³ См.: п.51 Постановления ЕСПЧ от 22.03.2012 по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба N 30078/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2012, № 6.

⁴ См.: п.п. 65 - 67 Постановления ЕСПЧ от 22.03.2012 по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба N 30078/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2012, № 6.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Американская конвенция о правах человека (от 22.11.1969) // Международные акты о правах человека. Сборник документов. - М.: «НОРМА-ИНФРА», 1999. – 784 с.
2. Венская конвенция о праве международных договоров (от 23.05.1969) // [Электронный ресурс] - URL:<https://www.un.org>
3. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (от 21.03.1986) // [Электронный ресурс] - URL:<https://www.un.org>
4. Договор о Европейском Союзе (г. Маастрихт, 07.02.1992).
5. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят четвертой сессии A/57/10 C.216. // [Электронный ресурс] - URL:<https://www.un.org>
6. Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности (от 08.12.1987 года) // Режим доступа СПС Консультант Плюс.
7. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (от 04.11.1950) // Режим доступа СПС Консультант Плюс.
8. Исполинов, А.С. Эволюция и пути развития современного международного правосудия // *Lex russica*, 2017. №10. Режим доступа СПС КонсультантПлюс.
9. Ковлер, А.И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека – М.: Норма, 2019 // Режим доступа СПС Консультант Плюс.

10. Конвенция ООН по морскому праву (от 10.12.1982).
11. Нешатаева, Т.Н. Европейская конвенция по правам человека и интеграция интеграций: пути преодоления фрагментации международного права // Международное правосудие. 2015. №4; Режим доступа СПС Консультант Плюс.
12. Постановления ЕСПЧ от 22.03.2012 по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба N 30078/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2012, № 6.
13. Орлов, А.С. Риски фрагментации в современном международном праве (§1, глава 3) // Риски в праве: пути решения: монография /под ред. докт. юрид. наук проф. Л.Г. Татьяниной. М.: Юрлитинформ, 2020. – 160 с.
14. Решетнева, Т.В. Некоторые вопросы риска фрагментации толкования международного права (§2, глава 3) // Риски в праве: пути решения: монография /под ред. докт. юрид. наук проф. Л.Г. Татьяниной. М.: Юрлитинформ, 2020. – 160 с.
15. Хафнер, Г. Риск фрагментации международного права. Организация Объединенных Наций // ГА ООН, №10(A/55/10). Генеральная Ассамблея ООН – Док. No.10(A/59/10) от 15 января 2000 г.
16. Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America) Judgment, I.C.J. Reports 1986, para. 179.
17. РИА Новости. [Электронный ресурс] - URL: <https://ria.ru/20191119/1561131979>
18. ТАСС. [Электронный ресурс] - URL: <https://tass.ru/info/6724550>

Дата поступления: 28.02.2021

